

УДК 821.161.1

DOI 10.30914/2072-6783-2023-17-1-83-88

ПРИНЦИП АМБИВАЛЕНТНОСТИ В СТРУКТУРЕ ПОЭТИКИ ПОВЕСТИ Н. С. ЛЕСКОВА «ВОИТЕЛЬНИЦА»

И. В. Поздина

*Южно-Уральский государственный гуманитарный педагогический университет,
г. Челябинск, Российская Федерация*

Аннотация. Введение. В современном лескововедении уже формируется общий взгляд на поэтику Н. С. Лескова как на балансирование между крайними точками определенных художественных систем. Повесть «Воительница» построена на весьма сложном сочетании разнородных элементов, прежде всего восходящих к карнавальной культуре и к фольклору. Фольклорные элементы имеют в этом произведении амбивалентную семантику. Отдельные события из жизни главной героини, Домны Платоновны, соотносятся с фольклорными сюжетами, в то время как другие ее поступки с ними контрастируют, что и позволяет Н. С. Лескову создавать оригинальную «народную историю». **Цель исследования.** Нас интересует собственно область эстетического дискурса: амбивалентность как художественный принцип, организующий эстетическое пространство повести. **Материалы и методы** Объектом исследования для нас послужила повесть Н. С. Лескова «Воительница» (1866) и литературные источники возможного влияния на формирование оригинальной художественной концепции человека в творчестве автора. Предметом анализа стали различные уровни поэтики повести и приемы реализации принципа амбивалентности. Применительно к методам исследования для нас определяющими стали историко-культурный, сравнительно-типологический, мифопоэтический. **Результаты исследования, обсуждения.** Бахтинские коды амбивалентности, карнавала, архетипа трикстера, комического и трагического на уровне поэтики повестей Лескова создают столкновение различных стилей и жанровых систем. Обращение к возможным источникам оригинального характера Домны Платоновны привело нас к мысли о том, что в создании своей «народной истории» Лесков идет в русле десакрализации народного характера, развивая традиции писателей 2-й трети XVIII века, в частности, пикарески М. Д. Чулкова. Трикстерная природа героини, амбивалентные маски-ипостаси, театрализация слова и пространства вызывают к жизни драматические жанры в духе карнавальной поэтики балагана. Жизненные истории-анекдоты Домны Платоновны, рассказанные ею самой, проживаются и понимаются ею как деятельное участие в жизни людей. Финал этой «народной истории» окрашен признаками бедствия, открывает онтологические свойства ее души: жизнь сердца и милосердие. В жанровой природе повесть «Воительница» обнаруживает не только философские и мифопоэтические пласты, но и амбивалентный жанр притчи. **Заключение** Таким образом, принцип амбивалентности позволил нам выделить различные уровни и приемы поэтики повести Лескова. На наш взгляд, источником для оригинальной концепции характера у Лескова послужили особенности художественного сознания писателя, его трагикомическая концепция парадоксального понимания жизни и человека.

Ключевые слова: Н. С. Лесков, «Воительница», амбивалентность, карнавальная культура, фольклоризм, притча

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Поздина И. В. Принцип амбивалентности в структуре поэтики повести Н. С. Лескова «Воительница» // Вестник Марийского государственного университета. 2023. Т. 17. № 1. С. 83–88. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2023-17-1-83-88>

THE PRINCIPLE OF AMBIVALENCE IN THE STRUCTURE OF THE POETICS OF N. S. LESKOV'S STORY "THE WARRIORESS"

I. V. Pozdina

South-Ural State Humanities-Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation

Abstract. Introduction. In modern Leskov studies, a general view of N. S. Leskov's poetics is already being formed as balancing between the extreme points of certain artistic systems. The story "The Warriress" is based on a very complex combination of heterogeneous elements, primarily dating back to carnival culture and folklore. Folklore elements have ambivalent semantics in this work. Individual events from the life of the main character,

Domna Platonovna, correlate with folklore plots, while her other actions contrast with them, which allows N. S. Leskov to create an original “folk story”. **The purpose of the study.** We are interested in the field of aesthetic discourse itself: ambivalence as an artistic principle that organizes the aesthetic space of the story. **Materials and methods.** The object of research for us was the story by N. S. Leskov “The Warriress” (1866) and literary sources of possible influence on the formation of the original artistic concept of a person in the author’s work. The subject of the analysis was the various levels of the poetics of the story and the methods of implementing the principle of ambivalence. With regard to research methods, historical-cultural, comparative-typological, mythopoetic ones have become decisive for us. **Research results, discussions.** Bakhtin’s codes of ambivalence, carnival, trickster archetype, comic and tragic at the level of poetics of Leskov’s stories create a clash of different styles and genre systems. The appeal to possible sources of the original character of Domna Platonovna led us to the idea that in creating his “folk history” Leskov goes in line with the desacralization of the folk character, developing the traditions of writers of the 2nd third of the 18th century, in particular, M. D. Chulkov’s picaresque. The trickster nature of the heroine, ambivalent masks-hypostases, the theatricalization of words and space bring to life dramatic genres in the spirit of carnival poetics of the farce. Domna Platonovna’s life stories and anecdotes, told by herself, are lived and understood by her as an active participation in people’s lives. The finale of this “folk story” is colored with signs of disaster, reveals the ontological properties of her soul: the life of the heart and mercy. In the genre nature, the story “The Warriress” reveals not only philosophical and mythopoetic layers, but also the ambivalent genre of the parable. **Conclusion.** Thus, the principle of ambivalence allowed us to distinguish different levels and techniques of poetics of Leskov’s story. In our opinion, the source for Leskov’s original concept of character was the peculiarities of the writer’s artistic consciousness, his tragicomic concept of a paradoxical understanding of life and man.

Keywords: N. S. Leskov, “The Warriress”, ambivalence, carnival culture, folklore, parable

The author declares no conflict of interest.

For citation: Pozdina I. V. The principle of ambivalence in the structure of the poetics of N. S. Leskov’s story “The Warriress”. *Vestnik of the Mari State University*, 2023, vol. 17, no. 1, pp. 83–88. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2023-17-1-83-88>

Повесть Н. С. Лескова «Воительница» (1866), определяемая нами, как шедевр, разгадкой которого не очень активно занимается лесковедение, по-прежнему требует нового ракурса анализа. Мы уже обосновали в предыдущих работах принципиальную новизну творения Лескова, связанную с «установкой на артистизм, театрализацию слова и пространства, в свою очередь, обнаруживающие комический пафос, восходящий к архаическим, по происхождению, фарсово-балаганным формам смеха, и драматический пафос, опирающийся на духовную культуру» [6, с. 254–255]. Осмысливая сегодня результаты, мы обнаруживаем некий единый принцип, который в современных исследованиях получил достаточно широкое употребление, в т. ч., в таких науках, как психология, культурология, социология и, конечно, лингвистика и филология, – амбивалентность.

Амбивалентность – термин, конечно, не новый, репрезентативный для одного из главных понятий М. М. Бахтина. «Образ карнавала воплощает в себе амбивалентность, как способ выражения бытия, способ преодолеть ограничен-

ность индивидуальной жизни и соединиться с ценностями рода, сделать смерть не абсолютной, а относительной. Индивид, чтобы ощущать себя частью целого, вынужден совмещать противоположные чувства, отражающие совмещение противоположности его места в мире – конечной части бесконечного общеродового тела. Раблезианское выражение подчеркивает непрерывное, но противоречивое единство жизненного процесса, не умирающего в смерти, а, напротив, торжествующего в ней, ибо смерть есть омоложение жизни» [1, с. 449]. В аспекте бахтинских кодов карнавала актуализируется финал повести Лескова «Воительница». Умиротворенная покойница Домна Платоновна словно бы совершает свое самое главное восхождение к онтологическим основам бытия. Завершив свой жизненный путь страдальцей, но не воительницей, она утверждает свою правду жизни, свое знание о жизни как правомерное, такое же, как и у праведника. Очевиден принцип амбивалентности, обнаруживающий важную для автора концепцию жизни и смерти человека. Но не только. Нас интересует

собственно область эстетического дискурса: амбивалентность как художественный принцип, организующий эстетическое пространство повести.

Что уже отмечено современным лесковедением? Герой сказа «Левша» и мотив «одоления» отмечен амбивалентностью. И даже тексты назидательные и дидактичные не лишены этого замечательного свойства [8]. Персонажи-трикстеры, совмещающие комическое и трагическое [6]. Создание амбивалентности обеспечено столкновением различных стилей и жанровых систем [3; 6]. Новые интерпретации, спорящие с традиционными, в свете амбивалентности обретает повесть «Очарованный странник». Семантическая многомерность и элементы амбивалентности в «Очарованном страннике», вопреки принятой высокой интерпретации образа героя, обнажают не национальную идентичность, а «ее глубинную уязвимость, размытость и ускользающую природу» [4, с. 362]. «Будучи ироничным писателем, с присущей ему игровой авторской позицией, Лесков любил создавать многослойные тексты, открытые амбивалентным прочтениям и построенные на переосмыслении сложившихся риторических схем и популярных мифов. Рассыпанные по его произведениям ссылки на такие мифы опасно воспринимать напрямую, как ключ к пониманию текста» [4, с. 354]. Важное замечание, сделанное О. Майоровой, звучит как предупреждение об опасности прямолинейной трактовки творений Лескова, без учета особенностей художественного сознания писателя, важнейшим принципом которого становится амбивалентность.

Рассмотрим различные уровни поэтики и приемы реализации данного принципа в структуре повести Н. С. Лескова «Воительница». Интерес для нас представляют литературные источники, возможно, имевшие влияние на появление столь оригинального характера у Лескова в эпоху поисков русской литературой нового героя времени и принципов изображения человека из народа. В качестве одного из источников мы определили произведение второй трети XVIII века с весьма любопытным названием: «Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины» (1770) М. Д. Чулкова. Обнаруженные параллели указывают на то, что художественное чутье Лескова откликнулось на поиски писателей-беллетристов второй трети XVIII века, которые шли в разрез с диктатом общепринятой эстетической школы

классицизма и искали свои оригинальные пути. К ним относится не только М. Д. Чулков, но и М. И. Попов, В. А. Левшин, чьи интересы лежали в русле десакрализации, они создавали не «миф», не историю, а «народную историю». Думается, эти поиски были близки исканиям самого Лескова: писатели-беллетристы входили в круг его чтения.

В «Пригожей поварихе» М. Д. Чулков предпринял попытку создать оригинальный для русской литературы XVIII столетия жанровый облик романа¹. Так вот именно «народная история» потребовала маркированного в заголовке романа указания на пикарескный хронотоп, и в поле ожидания читателя попадает оригинальный социальный и литературный тип, герой плутовского романа, вернее, героиня. Оставшись после гибели мужа девятнадцатилетней вдовой, она обращается к своей молодости и красоте, чтобы обеспечить себе безбедное существование, особо не разбираясь в средствах: плутует, лжет, обкрадывает своих любовников. Исповедь Мартоны ориентирована на «своего» читателя, которому близка и «понятна кума», ее вкус формирует маску «героини». Стоит обратить внимание на яркую фольклорную традицию, объединяющую ряд сюжетных ситуаций повести Лескова и «народной» истории М. Д. Чулкова. Это и попытки физической расправы, и надругательства, и выбор по велению сердца скомороха, в случае Домны Платоновны, «непутевого» Валерки – балаганный хронотоп, исход которого непредсказуем. Психологические мотивировки такого поведения отражены в песенном эротическом фольклоре, в том числе лубочном [5].

Таким образом, артистическая наивная болтовня вдовы М. Д. Чулкова, афористичность ее речи «стихийного философа», артистизм лесковской героини, заявленный в слове и масках-ипостасях, – важнейшие доминанты изображения сакральных для социума установок, отражающих национальную идентификацию [7].

Одним из ярких проявлений амбивалентности лесковской поэтики выступает трикстерная природа героини – одна из главных авторских установок. В ее лице подчеркнуто несоответствие ее персикового подбородка, детского выражения ее

¹ Дзюба Е. М. Становление и развитие жанра романа в русской литературе 70–80-х годов XVIII века (мифогенный роман в творчестве М. Д. Чулкова, М. И. Попова, В. А. Левшина) : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 43 с.

лица – «бездне простодушия» – с тем, что «с языка ее постоянно не сходит речь о людском ехидстве и злобе»¹. В сюжете обозначены амбивалентные маски-ипостаси: рассказчица Домна Платоновна, она же воительница, кружевница-сводница, поставщица живого товара, преуспевающая коммерсантка, «тонкий фактотум», простая деревенская баба, глубоко страдающая старуха, умиротворенная покойница и «вечное игральщице». Действие повести происходит в театрализованном мире, центром которого становится сама героиня, «вечное игральщице», участница и режиссер разыгранных ею и с нею «петербургских мистерий»².

Домна Платоновна выстраивает картину мира в духе архаических драматических жанров, карнавальная поэтика балагана: «...скажи, что хитростей всяких настало? Тот летит по воздуху, что птице одной назначено; тот рыбою плавает и на дно морское опускается; тот теперь – как на Адмиралтейской площади – огонь серный ест; этот животом говорит; другой – еще что другое, что человеку непоказное – делает... Господи! бес, лукавый сам, и тот уж им повинуются, и все опять же таки не к пользе, а ко вреду»³. Участники этой фантазмагии не люди, а балаганные шуты, скоморохи, циркачи и зазывалы, балагуры и раешники.

«Смотрю я на Домну Платоновну: ни бровка у нее не моргнет, ни уста у нее не лукавят; вся речь ее проста, сердечна; все лицо ее выражает одно доброе желание пособить бедной женщине и страх, чтоб это внезапно подвернувшееся благодетельное событие как-нибудь не расстроилось, – страх не за себя, а за эту же несчастную Леканиду». «Смотрю я опять на Домну Платоновну ... сидит передо мною баба самая простодушная и говорит свои мерзости с невозмутимой уверенностью в своей доброте и непроходимой глупости госпожи Леканидки»⁴.

Примечательно, что в бранной речи Домна Платоновна прибегает к театральным эффектам, обладающим особой художественной энергией, выстраивает монологи-монстры, также обладающими амбивалентностью. Приведем пример одного из самых ярких бранных монологов Дом-

ны Платоновны: «Варварка! варварка! что же ты это, варварка, со мною наделала? С каким ты меня человеком, может быть, расстроила? Ведь ты, – говорю, – сама со всей твоей родней-то да и с целой губернией-то вашей и сапога его одного отоптанного не стоишь! Он, – говорю, – в прах и в пепел всех вас и все начальство-то ваше истереть одной ногой может. Чего ж ты, бездельница этакая, модничаешь? Я бедная женщина; я на твоих же глазах день и ночь постоянно отягощаюсь; я на твоих же глазах веду самую прекратительную жизнь, да еще ты, – говорю, – щелчок ты этакой, нахлебница навязалась». «...Как страшно я ее с сердцов ругала, что ты не поверишь. Кажется, б вот взяла и да глаза ей в сердцах повыцарапала. Домна Платоновна сморгнула набежавшую на один глаз слезу... Ах, – думаю, – напрасно ведь я это, злодейка, так уж очень ее обидела! Ахти мне, горе с моим добрым сердцем! Никак я со своим сердцем не совладаю»⁵. Бранный речевой поток, вдохновленный внутренней энергией гневной страсти, произносится «на одном дыхании», обнаруживает ритмические периоды, конструкции нанизываются по принципу градации и так далее. Неожиданно брань сменяется сентиментальной фразеологией и теперь обращена на саму себя.

Заслуживают внимания формулировки героини, отражающие ее представления о собственной жизни. Сводничество, главный вид ее промысла, она осмысливает как деятельное участие в жизни людей, их обустройство: «Люди ждут, в семи местах ждут, и сама действительно так и побегит скороходью»⁶. Жизнь «скороходью», как и «аридов сон» – это жизнь, «стремящаяся к своему прекращению», потому образ этой жизни суетный. Но в глубинах своей памяти героиня Лескова, пробиваясь сквозь «спящее» сознание [Аридов сон – еще одна мифологическая аллюзия], Домна Платоновна сама формулирует драматическую концепцию жизни: «На свете живу я одним-одна, одною своею душенькой, ну а все-таки жизнь для своего пропитания веду самую прекратительную... мычусь как угорелая кошка по базару»⁷. Художественная система как бы балансирует между земным и бытийным, актуализация последнего происходит в финале⁸.

¹ Лесков Н. С. Воительница // Соч.: в 11 т. М.: ГИХЛ, 1956. Т. 1. С. 149.

² Там же. С. 190.

³ Там же. С. 208.

⁴ Там же. С. 165, 167.

⁵ Там же. С. 177, 178.

⁶ Там же. С. 149.

⁷ Там же. С. 149.

⁸ Подробнее см: [6, С. 238–241].

Только в финале, интуитивно осознавая сердцем произошедшее с нею бедствие¹, Домна Платоновна в смерти обнаруживает онтологические свойства своей души. Резкий поворот ее жизни состоит в открытии «жизни сердца» и «милосердия». Попытка освободиться от «масочности», вернуться к сути своей, сопровождается утратой жизненных сил, а начало подъема есть неминуемая смерть. Напомним, кстати, реплику повествователя, поразившегося переменами в Домне Платоновне: «Непонятная, думаю, притча!»². Такая параболическая структура характерна для притчевого жанра, амбивалентного по своей природе.

¹ Ю. В. Чернявская, осмысливая природу Трикстера, отмечает феномен обращенности Трикстера к Богу: «Если в конце мифа о Трикстере присутствует намек на Спасителя, это утешающее предостережение или надежда означает, что произошло и было осознано некое бедствие. Страстное стремление к Спасителю может возникнуть только вследствие несчастья...» [9].

² Лесков Н. С. Воительница // Соч.: в 11 т. М. : ГИХЛ, 1956. Т. 1. С. 218.

Таким образом, принцип амбивалентности определяет систему поэтики повести Лескова «Воительница». На наш взгляд, источником для оригинальной концепции характера у Лескова послужили особенности художественного сознания писателя, его трагикомическая концепция парадоксального понимания национальной жизни и человека. Домна Платоновна, искренне считающая себя благодетельницей, творит зло, не осознавая зло пороком. В финале повести в иной системе координат, уже в жанре притчи, когда сердце ее заговорило, оказывается добрым ангелом, нуждающимся в великом спасении. Смена парадигмы балагана и трикстерной модели поведения на бедствие и предчувствие божественного начала жизни, «воительницы» на умиротворенную покойницу отражает нелинейную, разорванную амбивалентную реальность, рационально не объяснимую, соответствующую «народной истории».

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990. 543 с.
2. Дыханова Б. С. В зеркалах устного слова (Народное самосознание и его стилевое воплощение в поэтике Н. С. Лескова). Воронеж : Изд-во Воронежского пед. университета, 1994. 191 с.
3. Жолковский А. К. Маленький метатекстуальный шедевр Лескова // Новое литературное обозрение. 2008. № 5 (93). С. 155–176. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/5/malenkij-metatekstualnyj-shedevr-leskova.html?ysclid=181myr60l60642312> (дата обращения 16.08.2022).
4. Майорова О. Опыт реинтерпретации «Очарованного странника» Н. С. Лескова // Русско-французский разговорник, или / ou Les causeries du 7 septembre: сборник статей в честь Веры Аркадьевны Мильчиной. М. : Новое литературное обозрение, 2015. С. 352–363.
5. Миненок Е. В. Народные песни эротического содержания // Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный Театр. Заговоры. Загадки. Частушки / сост., науч. ред. А. Л. Топоркова. М., 1995. 646 с.
6. Поздина И. В. Жанровая специфика прозы Н. С. Лескова 1860-х годов : монография. Челябинск : Изд-во Челябинского гос. пед. ун-та, 2012. 257 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24175047> (дата обращения: 20.08.2022).
7. Поздина И. В. «Пригожая повариха, или похождения развратной женщины» М. Д. Чулкова и «Воительница» Н. С. Лескова: к вопросу о возможных источниках и влияниях // Литература в контексте современности: жанровые трансформации в литературе и фольклоре: сборник материалов VIII Всероссийской научной конференции с международным участием, Челябинск, 10–11 декабря 2015 года / Челябинский государственный педагогический университет; отв. редактор Т. Н. Маркова. Челябинск : Энциклопедия С. 146–151. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26006537&pf=1&ysclid=18rldu1xp695291074> (дата обращения 06.07.2022).
8. Ранчин А. М. Трансформации агиографического кода в «Очарованном страннике» и принцип амбивалентности в поэтике Н. С. Лескова // Slověne. 2017. Т. 6. № 2. С. 413–443. DOI: <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2017.6.2.17>
9. Чернявская Ю. В. Трикстер, или Путешествие в Хаос // Человек. 2004. № 3. С. 37–52. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17721104> (дата обращения: 06.07.2022)

Статья поступила в редакцию 12.12.2022 г.; одобрена после рецензирования 10.01.2023 г.; принята к публикации 06.02.2023 г.

Об авторе

Поздина Ирина Васильевна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы и методики обучения литературе, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (454000, Российская Федерация, г. Челябинск, ул. Ленина, д. 69), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8437-3047>, piv62@bk.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Rennsansa* [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. M., 1990, 543 p. (In Russ.).
2. Dykhanova B. S. *V zerkalakh ustnogo slova (Narodnoe samosoznanie i ego stilevoe voploshchenie v poetike N. S. Leskova)* [In the mirrors of the spoken word (Folk self-consciousness and its stylistic embodiment in the poetics of N.S. Leskov)]. Voronezh, Publishing House of the Voronezh Pedagogical University, 1994, 191 p. (In Russ.).
3. Zholkovsky A. K. *Malen'kii metatekstual'nyi shedevr Leskova* [Leskov's little metatextual masterpiece]. *Novoe literaturnoe obozrenie* = New Literary Review, 2008, no. 5 (93), pp. 155–176. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/5/malenkij-metatekstualnyj-shedevr-leskova.html?ysclid=181myp60ol60642312> (accessed 08.16.2022) (In Russ.).
4. Mayorova O. *Opyt reinterpretatsii "Ocharovannogo strannika" N. S. Leskova* [The experience of reinterpretation of N. S. Leskov's "Enchanted Wanderer"]. *Russko-frantsuzskii razgovornik, ili / ou Les causeries du 7 septembre: sbornik statei v chest' Very Arkad'evny Mil'chinoi* = Russian-French phrasebook, or / ou Les causeries du 7 septembre: collection of articles in honor of Vera Arkadyevna Milchina, M., New Literary Review Publ., 2015, pp. 352–363. (In Russ.).
5. Minenok E. V. *Narodnye pesni eroticheskogo sodержaniya* [Folk songs of erotic content]. *Russkii eroticheskii fol'klor. Pesni. Obryady i obryadovyi fol'klor. Narodnyi Teatr. Zagovory. Zagadki. Chastushki* = Russian erotic folklore. Songs. Rituals and ritual folklore. People's Theater. Spells. Riddles. Chastushki. Comp., scientific ed. by A. L. Toporkova, M., 1995, 646 p. (In Russ.).
6. Pozdina I. V. *Zhanrovaya spetsifika prozy N. S. Leskova 1860-kh godov: monografiya* [Genre specifics of N. S. Leskov's prose of the 1860s: monograph]. Chelyabinsk, Publishing House of Chelyabinsk State Pedagogical University, 2012, 257 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24175047> (accessed 20.08.202). (In Russ.).
7. Pozdina I. V. "Prigozhaya povarikha, ili pokhozheniya razvratnoi zhenshchiny" M. D. Chulkova i "Voitel'nitsa" N. S. Leskova: k voprosu o vozmozhnykh istochnikakh i vliyaniyakh ["The pretty cook, or the adventures of a depraved woman" by M. D. Chulkov and "The Warriress" by N. S. Leskov: on the question of possible sources and influences]. *Literatura v kontekste sovremennosti: zhanrovyye transformatsii v literature i fol'klore: sbornik materialov VIII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Chelyabinsk, 10–11 dekabrya 2015 goda* = Literature in the Context of Modernity: Genre transformations in Literature and Folklore: collection of materials of the VIII All-Russian Scientific Conference with International Participation, Chelyabinsk, December 10–11, 2015, responsible editor T. N. Markova, Chelyabinsk, Encyclopedia Publ., 2015, pp. 146–151. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26006537&pf=1&ysclid=18rldu1xp695291074> (accessed 06.07.2022) (In Russ.).
8. Ranchin A. M. *Transformatsii agiograficheskogo koda v "Ocharovannom strannike" i printsip ambivalentnosti v poetike N. S. Leskova* [Transformations of the hagiographic code in *The Enchanted Wanderer* and the principle of ambivalence in the poetics of Nikolai Leskov]. *Slověne*, 2017, vol. 6, no. 2, pp. 413–443. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2017.6.2.17>
9. Chernyavskaya Yu.V. *Trikster, ili Puteshestvie v Khaos* [Thrickster, or Voyage into the Chaos]. *Chelovek* = Human Being, 2004, no. 3, pp. 37–52. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17721104> (accessed: 06.07.2022) (In Russ.).

The article was submitted 12.12.2022; approved after reviewing 10.01.2023; accepted for publication 06.02.2023.

About the author

Irina V. Pozdina

Ph. D. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Literature and Methods of Teaching Literature, South-Ural State Humanities-Pedagogical University (69 Lenin St., Chelyabinsk 454000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8437-3047>, piv62@bk.ru

The author has read and approved the final manuscript.